

Е. П. Дулесов
Ижевск, Россия

МЕТАФОРЫ ГАРМОНИЗАЦИИ В ДИСКУРСЕ РУССКИХ НАЦИОНАЛИСТОВ НАЧАЛА XX В.

АННОТАЦИЯ. Когнитивная метафора, функционирующая в различных интолерантных дискурсах, в последнее время все чаще становится объектом пристального внимания лингвистов, как отечественных, так и зарубежных. Обнаружено, что формы вербального унижения («чужих») схожи: с помощью деструктивных (конфликтных) метафор они изображаются как возбудители болезней, паразиты, стихийные бедствия, сорняки, вражеская армия и т. п. Дискурс русских националистов начала XX в. не является в этом отношении исключением. Но помимо деструктивных метафор русские националисты активно используют и конструктивные, которые являются предметом рассмотрения в данной статье. Самыми частотными сферами-источниками для конструктивных метафор являются понятийные области «Семья» и «Неживая природа». При этом Россия предстает то как одна большая дружная семья, то как океан, готовый вобрать в себя множество рек, то как планетарная система. Удалось установить, что такие метафоры профилируют идею единения, гармоничного развития разных народов в составе Российской империи, поэтому они названы метафорами гармонизации. В условиях усиления сепаратистских стремлений на окраинах русские националисты с помощью метафор гармонизации стремятся снизить градус межнационального напряжения.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: когнитивные метафоры; метафорические модели; речевые стратегии; политический дискурс; русский национализм; политическая метафорология.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ: Дулесов Евгений Павлович, аспирант кафедры русского языка, теоретической и прикладной лингвистики ФБГОУ ВО «Удмуртский государственный университет»; 426034, Россия, г. Ижевск, ул. Университетская, 1, корп. 2; e-mail: evdules@gmail.com.

В последние десятилетия различные интолерантные [Ли 2012: 107; Астафурова, Олянич 2010] (националистические, расистские, ксенофобические и т. п.) дискурсы все чаще становятся объектом лингвистических исследований. Большинство таких работ выполнено в рамках критического дискурс-анализа, целью которого является «разоблачение неравенства и несправедливости, лишение идеологий их естественности, раскрытие отношений доминирования и власти и сообщение об этих отношениях тем, кто страдает от угнетения» [Водак 2011: 287]. В интолерантных дискурсах этнические меньшинства изображаются как «чужие», и для их вербального умаления задействуются различные языковые средства, в том числе метафора.

Специалисты по политической лингвистике отмечают, что «политические экстремисты (как правые, так и левые) более склонны использовать метафорические образы» [Чудинов 2006: 25]. И это не случайно, ведь метафора обладает огромным прагматическим потенциалом: она служит мощным средством, с помощью которого можно преобразовать существующую в сознании адресата политическую картину мира, убедить его в правильности своих взглядов и даже побудить к определенным действиям [Чудинов 2003]. Именно поэтому через призму когнитивной метафоры многие лингвисты пытаются увидеть, как представлены взаимоотношения между разными народами в дискурсе националистически ориентированных политиков и публицистов.

Так, Сильвия Яворска проанализировала метафорические выражения, которые использовались в немецкой радикально-нацио-

налистической пропаганде начала XX в. в отношении польского меньшинства. По ее наблюдениям, метафора «Государство/нация — это тело» является наиболее частотной. Немецкие националисты регулярно применяют лексему *Volkskörper* ('тело народа') в отношении немецкоязычного большинства, при этом тело изображается раненым или больным. Причина болезни — польское меньшинство, которое описывается как *Fremdkörper* ('чужеродное тело'). Согласно этому метафорическому сценарию, для восстановления здоровья необходимо лечение или даже операция — удаление чужеродного тела, т. е. полномасштабное выселение поляков из восточных провинций. Кроме того, в текстах немецких националистов поляки предстают как стихийное бедствие (*polnische Überflutung* 'польское наводнение'), сорняки, разлагающие элементы, вражеская армия [Jaworska 2011].

Многие исследователи (Б. Хокинс, Дж. Чартерис-Блэк, А. Мусолфф, П. Чилтон, Ф. Раш) отмечают, что в антисемитском дискурсе Третьего рейха евреи изображаются как паразиты, вредящие телу — немецкой нации / арийской расе [Musolff 2006].

В современном медиадискурсе разных стран при осмыслении сферы-мишени «Иммиграция» используется метафорическая модель стихийных бедствий [Калыгина 2009; Веснина 2010]. Рассматривая метафорическое представление нелегальных мигрантов из Латинской Америки в публикациях калифорнийской газеты «The Los Angeles Times», американский исследователь Отто Санта Ана обнаружил, что концептуальная метафора «Иммиграция — это опасные водные потоки» является одной из доминантных.

Красноречиво название его монографии — *Brown Tide Rising: Metaphors of Latinos in Contemporary American Public Discourse* («Поднимается коричневая волна: метафоры, представляющие мигрантов из Латинской Америки, в современном американском публичном дискурсе»). Санта Ана отмечает: когда к иммигрантам относятся как к опасным водным потокам, «волнам коричневых лиц» (*surges of brown faces*), стираются их индивидуальность и человеческая природа и проигрывается устрашающий сценарий разрушительного наводнения [Santa Ana 1997: 323]. С точки зрения исследователя, современные журналисты, освещающие проблемы иммиграции, не являются открытыми расистами, но, используя зооморфные, милитарные и морбиальные метафоры, а также метафоры стихийных бедствий в отношении иммигрантов, они формируют расистский дискурс [Santa Ana 1999: 217].

Некоторые исследователи обращаются к метафорике неофашистов, или так называемых скинхедов, которая используется для обозначения вынужденных переселенцев в Германию в 90-е гг. XX в. Они называются *паразитами, прихлебателями*, которые существуют за счет других, а немецкий народ предстает как *«непрерывно бросающий деньги в алчные пасти»* переселенцев. Иностранцы также сравниваются с нашествием, стихийным бедствием, различными болезнями (*«смертельный вирус», «чума», «раковая метастаза»* на здоровом теле немецкого народа) [Чернявская 2006: 90—91].

Как видно из приведенных примеров, националистически настроенные политики и публицисты в разных странах в разные исторические периоды используют сходные метафорические модели, для того чтобы показать опасность, исходящую от этнических меньшинств. Они изображаются как чужеродные тела, паразиты, опасные заболевания, стихийные бедствия, солдаты вражеской армии, преступники, сорняки, животные и т. п. Дискурс русских националистов начала XX в. не является в этом отношении исключением.

В начале XX в. в России обострился национальный вопрос. Многонациональная и поликонфессиональная империя «затрещала по швам»: народы, проживавшие на окраинах (финны, поляки, литовцы, грузины, армяне и др.) все чаще стали выступать против русификаторской, по их мнению, политики государства, бороться за сохранение своих традиций, культуры и языка, требовать автономии и даже создания самостоятельных национальных государств. Пробуждение сепаратистских движений заставило

сплотиться «истинно русских людей» (как они сами себя называли), которые отстаивали господствующее положение русского народа и православной веры и пресекали «все попытки к расчленению России под каким бы то ни было видом» [Черная сотня 2008: 7].

По нашим подсчетам, для концептуализации национального вопроса в Российской империи русские националисты чаще всего обращаются к таким сферам-источникам, как «Болезнь», «Война», «Мир животных», «Организм», «Неживая природа», «Дом», «Семья», «Экономические отношения», «Стихийные бедствия», «Религия».

Отдельные метафорические модели А. Н. Баранов предлагает объединять в более крупные группы, опираясь на такой признак, как общность прагматического потенциала. Совокупность метафорических моделей, сходных по своим метафорическим следствиям, т. е. профилирующих одни и те же смыслы, лингвист называет **конstellляцией метафор** [Баранов 2014: 53]. На наш взгляд, конstellляции метафор целесообразно выделять в связи с речевыми стратегиями и тактиками.

Как отмечает О. С. Иссерс, «политическая жизнь, с ее реальной борьбой за власть, столкновением интересов, манипуляцией фактами и мнениями, дает возможность наблюдать целый спектр речевых стратегий и тактик» [Иссерс 2008: 160]. При этом доминирующими стратегиями политического дискурса исследователи считают стратегию на понижение и стратегию самопрезентации. Они пронизывают все без исключения политические тексты, актуализируя центральную политическую дихотомию «свои» — «чужие» [Чернявская, Логинова 2005: 67; Михалева 2004]. Необходимо подчеркнуть, что, воздействуя на адресата в рамках определенной стратегии и тактики, политик может использовать различные инструменты, в том числе и когнитивную метафору.

С. В. Свирковская называет две основные цели ксенофобического дискурса: 1) защита во что бы то ни стало «своих» в ущерб «другим», 2) защита «своих» с конструктивным предложением для «других», в связи с чем выделяются стратегии деструктивные и конструктивные [Свирковская 2005: 5—6]. На наш взгляд, это положение можно экстраполировать и на дискурс русских националистов начала XX в. и соответственно разделить все метафоры на две большие группы. Метафоры первой группы используются в рамках стратегии на понижение. Эти метафоры можно назвать конфликтными (конфликтогенными) [См., в частности: За-

рипов 2015] или деструктивными. Чтобы представить своих оппонентов (инородцев-сепаратистов) в невыгодном свете, русские националисты используют различные тактики: оскорбляют инородцев, умаляют их значение (тактика оскорбления); представляют их как серьезную опасность для русского народа (тактика запугивания); обвиняют инородцев в том, что они эксплуатируют русских (тактика обвинения). В связи с этим среди конфликтогенных метафор, пользуясь термином А. Н. Баранова, мы выделяем три констелляции: метафоры дискредитации, метафоры агрессии и метафоры эксплуатации. Эти метафоры направлены прежде всего на русского адресата: для привлечения русского избирателя правые политики и публицисты создают отрицательный образ инородцев-сепаратистов, формируя лексико-семантическое поле «чужие». С этой целью русские националисты начала XX в. используют те же метафорические образы, что и другие националистически настроенные политики и публицисты в разных странах и в разные исторические периоды (*паразиты, опасная болезнь, вражеская армия, наводнение, хищники, дьявольская сила* и т. д.).

Однако в исследуемом корпусе текстов мы обнаружили также значительное количество конструктивных метафор, склонность к которым отражает «неконфликтное осмысление опыта» [Баранов 2014: 157], что, на наш взгляд, можно считать отличительной чертой дискурса русских националистов начала XX в. Эти метафоры профилируют идею единения, гармоничного развития разных народов в составе Российской империи, поэтому в нашем исследовании мы относим их к констелляции метафор гармонизации. Такие метафоры служат инструментом, который используется в рамках конструктивной стратегии для создания лексико-семантического поля «свои». В условиях усиления сепаратистских стремлений на окраинах русские националисты с помощью метафор гармонизации стремились снизить градус напряжения, успокоить инородцев, показать, что все народы дружно и счастливо живут в Российской империи под предводительством русского народа. При этом подчеркивается, что только благодаря России многие инородческие окраины достигли высокого уровня развития. Россия интерпретируется как семья, океан, планетарная система, единый организм, растение и т. д. Самыми частотными сферами-источниками метафор гармонизации являются понятийные области «Семья» и «Неживая природа».

Семейная метафора. Наиболее ярким положительным ореолом обладает семей-

ная метафора. В данном случае метафоризация проходит в две стадии: сначала каждый народ, живущий в составе Российской империи, предстает как один человек (метафора персонификации); затем эти народы-люди изображаются родственниками. В результате формируется образ России как большой, дружной, счастливой семьи, в которой все народы — братья.

Если в пределах России оно [братство народов] будет осуществлено раньше, чем где-либо, то это будет воплощением понятия „великая семья русского народа“, в состав коей, как члены, войдут и наши инородцы и иноверцы... (А. С. Вязигин. Россия для русских).

Наиболее часто Россия предстает как мать всех входящих в империю народов.

Велика и необъятна наша матушка-Русь, и много языков и народностей живет на необъятном пространстве Российской империи, и все они не тесно вмещаются на широком лоне одной нашей любящей матери, нашей общей родины... <...> Господа, Россия смотрит на всех своих граждан как на своих родных детей, у ней нет пасынков, нет отщепенцев, но пусть же сами инородцы, населяющие Российскую империю, смотрят на нее как на родную мать... (из выступления епископа Евлогия от 4 декабря 1909 г.).

Правый депутат Государственной думы Н. Е. Марков в речи от 12 мая 1908 г. перечисляет преимущества, которые получила Финляндия после вхождения в Российскую империю (освобождение от воинской повинности, меньшие налоги, присоединение ряда территорий и т. д.), и подкрепляет приведенные факты метафорой: *И поныне Финляндия есть любимая дочь России, а никак не падчерица.* Примечательно, что во многих случаях мелиоративный смысл метафоры акцентируется с помощью антитезы: *мать — мачеха, дочь — падчерица, родные дети — пасынки.*

Признавая все народы, входящие в состав империи, членами одной семьи, русские националисты все же выделяют русский народ как старшего брата, которому должны подчиняться младшие.

России нужно не преобладание, но первенство над инородцами, основанное на семейных отношениях младших к старшему в роде (Н. Н. Жеденов. Бюрократия).

Не пришли мы на Кавказ завоевателями, не пришли мы с мечом и огнем на Кавказ, а пришли мы желанными гостями, и, можно сказать, защитниками меньших наших братьев-христиан... (из выступле-

ния Ф. Ф. Тимошкина от 20 ноября 1907 г.).

...Вы [обращаясь к полякам] должны помнить, что вы сейчас брат меньший, не гражданин второго разряда, но брат меньший по сравнению с тем телом, которое представляет собой Россия (из выступления В. М. Пуришкевича от 17 ноября 1907 г.).

Семейная метафора в данных контекстах позволяет в мягкой форме утвердить господствующее положение русского народа. Для сравнения можно привести более жесткий вариант метафорического представления субординации: русский народ — хозяин, инородцы — всего лишь гости в его доме:

Но пусть только они [иноплеменники] не забывают, что они живут у нас, в нашем доме, и что они не имеют права разорять этот приютивший их дом. Дом этот создали мы, а не они, и хозяином в этом доме может быть только Русский Царь со Своим Русским народом (В. А. Грингмут. Благое ли мы делаем дело?).

Особенно часто правые политики и публицисты обращаются к семейной метафорической модели при осмыслении украинского вопроса, доказывая, что русские и малороссы — это один неделимый народ:

Простые хохлы считают себя такими же русскими, как и москали, такими же православными, подданными одной русской власти, детьми одной матери — русской земли (М. О. Меньшиков. Великоорусская партия I).

Украинские националисты последовательно доказывают, что между русскими и украинцами так много различий (в истории, языке, обычаях, менталитете и т. п.), что их следует признать двумя разными народами. В свою очередь, русские националисты обращают внимание на то, что дети, которые растут и воспитываются в одной семье, очень часто отличаются друг от друга характером, внешностью, привычками, но при этом не перестают быть самыми близкими родственниками:

Особенности характера, сказывающиеся в областях Русской земли, так же не мешают единству, как особенности характера братьев и сестер в семье. Напротив, мы все дополняем друг друга (Л. А. Тихомиров. Сочиненная народность).

Кое-какие отличия, несомненно, есть, как между родными братьями и сестрами, выросшими в одной семье, — но эти несходства разрушают ли кровное родство? (М. О. Меньшиков. Великоорусская партия I).

Метафорическая модель неживой природы. Метафорическая модель неживой

природы является полифункциональной. Так, метафоры, относящиеся к субсфере-источнику «Стихийные бедствия», профилируют идею агрессивности инородцев по отношению к русскому государству. Вместе с тем в составе данной метафорической модели встречаются такие метафоры, которые способствуют гармонизации отношений между разными народами. В этом случае Россия / русский народ предстает как огромное водное пространство, готовое объединить в себе отдельные реки и ручейки — инородцев.

Если семейная метафора высвечивает прежде всего идею дружественности, семейственности, любви, то основной концептуальный вектор водной метафоры — это идея неизбежности и естественности. Как реки неизбежно несут свои воды в океан, так и Россия неизбежно объединяет в себе разные народы.

Рассматриваемая нами водная метафора, скорее всего, восходит к прецедентному тексту — стихотворению А. С. Пушкина «Клеветникам России» (1831 г.), которое было обращено к французским депутатам и журналистам, демонстративно выразившим сочувствие польскому восстанию 1830—1831 гг. и призывавшим к вооруженному вмешательству в русско-польский конфликт. В стихотворении есть следующие строки: *Уже давно между собою // Враждуют эти племена; // Не раз клонилась под грозой // То их, то наша сторона. // Кто устоит в неравном споре: // Кичливый лях, иль верный росс? // Славянские ль ручьи сольются в русском море? // Оно ль иссякнет? вот вопрос.* Русские националисты подхватили образ, созданный великим поэтом, и использовали его в отношении не только поляков, но и других инородцев:

Но можете ли вы сказать [обращаясь к польским депутатам], что до настоящего времени вы искренне, прямо и открыто делали шаги, чтобы слиться вместе с нами и чтобы работа наша была действительной работой всех славянских ручьев, которые слились бы в русском море? (из выступления В. М. Пуришкевича от 17 ноября 1907 г.).

Чего он [еврейский народ] ждет, на что надеется? Ведь нельзя же в самом деле допустить, чтобы стодвадцатимиллионный государственный организм переделал себя на его лад. Остается одно — и это неизбежно, — слиться речке с морем, ассимилироваться (П. А. Крушеван. Что такое Россия?).

Характеризуя межнациональные отношения в Российской империи, русские националисты очень часто говорят о необходи-

мости слияния инородцев с русской культурой, для этого они используют одиночную метафору *слиться*, вошедшую в лексико-семантическую систему языка. Так, в словаре С. А. Кузнецова указано, что первое значение этого глагола — ‘соединиться в один поток’ (*Ручей слился с рекой*), а второе, переносное — ‘соединившись с кем-, чем-либо, составить одно целое’ (*Наши усилия слились воедино*) [Большой толковый словарь русского языка].

Писали латыши, малороссы и поляки. Я рад, что все письма написаны без вражды к русской народности и даже признают необходимость слияния (В. В. Розанов. «Трудности» для инородцев).

С тех пор Малороссия национально, культурно и политически совершенно слилась с коренной Россией, слилась в одно органическое государственное целое (из выступления А. И. Савенко от 1 июля 1913 г.).

Несмотря на то, что метафора *слиться* является языковой, узуальной и высококачественной, нельзя утверждать, что ее прагматический потенциал сведен к нулю. Здесь мы готовы поспорить с И. М. Кобозевой, которая считает, что в плане воздействия на адресата лексикализованные метафоры ничем не отличаются от буквальных номинаций и лишены семантической двойственности [Кобозева 2010]. Скорее можно согласиться с Ш. Балли, выделявшим, помимо «живых» и «мертвых» образов, еще и «ослабленные» образы, которые вызывают лишь смутные представления, но сохраняют свою выразительность и способность активно воздействовать на чувства адресата [Балли 2001: 228]. Примечательно, что нами зафиксирован контекст, в котором публицист-националист вводит своеобразный метаязыковой комментарий, обосновывая свой выбор метафоры *слиться*.

При этой системе поляки проникаются сознанием, что [...] их край не только „соединен“, но нераздельно слит воедино с государством Всероссийским (В. А. Грингмут. Призрак «польского вопроса»).

Подобная фигура (противопоставление внутри синонимической пары) в риторике именуется **парадиастолой** или **дистинкцией** [Хаззагерев 2009: 203]. Хотя глаголы *соединиться* и *слиться* (во втором значении) являются синонимами, они существенно различаются прагматическим потенциалом, что и эксплицировано в высказывании В. А. Грингмута. Языковая метафора *слиться* сохраняет семантическую двойственность, она указывает на сферу-источник «Мир неживой природы» и высвечивает идею естественности и необратимости. То, что соединили, можно отсо-

единить; то, что *нераздельно слито воедино*, отсоединить уже нельзя.

В некоторых контекстах авторы сочетают метафоры со сферами-источниками «Семья» и «Мир неживой природы», чтобы «аккумулировать» гармонирующий эффект:

Полякам предстоит одно из двух: или — чтоб их германизировали немцы и чтоб они совершенно растворились в немецком море, или — слиться с братьями-славянами в дружную семью (П. А. Крушеван. Что такое Россия?).

Кроме фрейма «Водное пространство», русские националисты используют космическую субмодель в составе метафорической модели «Неживая природа». Русская культура в этих случаях сравнивается с солнцем, вокруг которого вращаются отдельные планеты — нерусские народы. Такая метафора является одной из ключевых в статье В. В. Розанова «Центробежные силы в России». Публицист сравнивает сепаратизм инородцев с желанием маленькой планеты оторваться от солнца и полететь одной в даль. Такая планета неизбежно станет темной, маленькой, неживой, замерзшей и в конце концов погаснет. Инородцы, по мнению В. В. Розанова, должны понять, что они способны существовать только в солнечной системе: *Пока — больно, неудобно: но завтра — мы войдем в великое сияние Единого Солнца, в котором не угаснем, а усилимся всею его силою...*

Эту же мысль В. В. Розанов повторяет в статье «Белоруссия, литовцы и Польша в окраинном вопросе России», на этот раз метафорически осмысляя польский вопрос:

Вообще, Польша — маленькая планета в большой, так сказать, „звездной системе“, которую составляет сложная Русь. И интересы Руси в отношении ее ограничиваются тем, чтобы движения этой планеты не мешали ходу всей звездной системы, не расстраивали его, не производили того, что в астрономии зовется „планетными возмущениями“, — оттягивающим действием одной планеты на другую, одного спутника на другой.

Итак, в целях вербального унижения «чужих» русские националисты начала XX в. используют те же метафорические образы, что и националисты других стран и других эпох. Вместе с тем мы увидели, что в дореволюционном дискурсе русских националистов весьма активны метафоры гармонизации, профилирующие идею сотрудничества разных народов в составе Российской империи. Если деструктивные (конфликтные,

конфликтогенные) метафоры направлены на русского адресата и служат для разграничения «своих» и «чужих», то метафоры гармонизации обращены как к русскому, так и к нерусскому адресату, с их помощью формируется лексико-семантическое поле «свои» в рамках конструктивной стратегии. Они показывают, что в Российской империи и так все благополучно и в сепаратизме нет никакого смысла. Более того, общение между титульной нацией и этническими меньшинствами способно принести им взаимную культурную пользу. В. Л. Величко, один из идеологов русского национализма, писал об этом так: «Всякое государство является воспитательным учреждением как естественный путь для выработки общечеловеческих сокровищ духа и притом не отвлеченных, не доктринерских, а действительно жизненных» [Величко 2010: 257].

ЛИТЕРАТУРА

1. Астафурова Т. Н., Олянич А. В. Карнавальные жанры нейтрализации англоязычных предубеждений // Вестн. Волгогр. гос. ун-та. Сер. 2, Языкознание. 2010. № 1. С. 94—101.
2. Балли Ш. Французская стилистика. — М.: Эдиториал УРСС, 2001. 392 с.
3. Баранов А. Н. Дескрипторная теория метафоры. — М.: Языки славянской культуры, 2014. 632 с.
4. Большой толковый словарь русского языка / гл. ред. С. А. Кузнецов. URL: <http://www.gramota.ru/slovari/info/bts/> (дата обращения: 01.11.2016).
5. Величко В. Л. Русские речи. — М.: Институт русской цивилизации, 2010. 400 с.
6. Веснина Л. Е. Метафорическое моделирование миграции в российских печатных СМИ // Политическая лингвистика. 2010. № 1 (31). С. 84—89.
7. Водак Р. Критическая лингвистика и критический анализ дискурса // Политическая лингвистика. 2011. № 4. С. 286—291.
8. Зарипов Р. И. Когнитивные аспекты метафорического моделирования в политическом дискурсе (на материале французских политических метафор образа России): дис. ... канд. филол. наук. — М., 2015. 262 с.
9. Иссерс О. С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи. — М.: Изд-во ЛКИ, 2008. 288 с.
10. Калыгина М. Ю. Метафорическая репрезентация миграции в медиадискурсе России, Великобритании и США // Политическая лингвистика. 2009. № 29. С. 109—113.
11. Кобозева И. М. Лексико-семантические заметки о метафоре в политическом дискурсе // Политическая лингвистика. 2010. № 2. С. 41—46.
12. Ли В. С. Дискурсивная практика агрессии как источник коммуникативных конфликтов (на материале лингвистической экспертизы текста) // Язык и социальная динамика. 2012. № 12-1. С. 106—111.
13. Михалева О. Л. Политический дискурс как сфера реализации манипулятивного воздействия: автореф. дис. ... канд. филол. наук. — Кемерово, 2004. 22 с.
14. Свирковская С. В. Ксенофобический дискурс (лингво-прагматический аспект): автореф. дис. ... канд. филол. наук. — Краснодар, 2005. 25 с.
15. Хазагерев Г. Г. Риторический словарь. — М.: Флинта: Наука, 2009. 432 с.
16. Черная сотня: историческая энцикл. / сост. А. Д. Степанов, А. А. Иванов. — М.: Институт русской цивилизации, 2008. 640 с.
17. Чернявская В. Е. Дискурс власти и власть дискурса. Проблемы речевого воздействия. — М.: Флинта: Наука, 2006. 132 с.
18. Чернявская В. Е., Логинова И. Ю. Программа политической партии как персуазивный текст // Изв. Рос. гос. пед. ун-та им. А. И. Герцена. 2005. Т. 5, № 11. С. 64—75.
19. Чудинов А. П. Метафорическая мозаика в современной политической коммуникации / Урал. гос. пед. ун-т. — Екатеринбург, 2003. 248 с. URL: <http://www.philology.ru/linguistics2/chudinov-03a.htm> (дата обращения: 01.11.2016).
20. Чудинов А. П. Политическая лингвистика. — М.: Флинта: Наука, 2006. 256 с.
21. Jaworska S. Anti-Slavic imagery in German radical nationalist discourse at the turn of the twentieth century: a prelude to Nazi ideology? // Patterns of Prejudice. 2011. Vol. 45. № 5. URL: http://www.residentztheater.de/sites/default/files/Anti-Slavic_imagery_Patterns_of_Prejudice_Vol_45_Jaworska.pdf (date of access: 01.11.2016).
22. Musolff A. What can Critical Metaphor Analysis Add to the Understanding of Racist Ideology? Recent Studies of Hitler's Anti-Semitic Metaphors // Critical Approaches to Discourse Analysis across Disciplines. 2008. Vol. 2. URL: http://cadaad.net/files/journal/CADAAD2-2-Musolff-2008-Critical_Metaphor_Analysis.pdf (date of access: 01.11.2016).
23. Santa Ana O. "Like an animal I was treated": anti-immigrant metaphor in US public discourse // Discourse & Society. 1999. 10. URL: <http://das.sagepub.com/content/10/2/191> (date of access: 01.11.2016).
24. Santa Ana O. Empirical Analysis of Anti-Immigrant Metaphor in Political Discourse // University of Pennsylvania Working Papers in Linguistics. 1997. Vol. 4. Iss. 1. URL: <http://repository.upenn.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=1617&context=pwpl> (date of access: 01.11.2016).

E. P. Dulesov
Izhevsk, Russia

METAPHORS OF HARMONIZATION IN THE DISCOURSE OF RUSSIAN NATIONALISTS AT THE BEGINNING OF THE 20TH CENTURY

ABSTRACT. Cognitive metaphor in different intolerant discourses has recently become the object of considerable attention by foreign and Russian linguists. It has been revealed that the forms of verbal humiliation of the ethnic Others are similar: by means of destructive (conflict) metaphors they are portrayed as agents of diseases, parasites, natural disasters, weeds, enemy army, etc. In this regard the discourse of Russian nationalists at the beginning of the 20th century is no exception. However, besides destructive metaphors Russian nationalists actively employ constructive ones, which are dealt with in this article. The most frequently used source domains for constructive metaphors are 'Family' and 'Inanimate nature'. Accordingly, Russia is depicted as a big united family, as an ocean that many rivers flow into and as a planetary system. It is found that these metaphors highlight the idea of unity and harmony between the different peoples of the Russian Empire, and hence they have been named 'metaphors of harmonization'. As separatists tendencies in the so-called 'national outskirts' grew stronger, by using metaphors of harmonization Russian nationalists aimed to alleviate ethnic tension.

KEYWORDS: cognitive metaphors; metaphoric models; communicative strategies; political discourse; Russian nationalism; political metaphorology.

ABOUT THE AUTHOR: Dulesov Evgeniy Pavlovich, Post-graduate Student, Department of Russian Language, Theoretical and Applied Linguistics, Udmurt State University, Izhevsk, Russia.

REFERENCES

1. Astafurova T. N., Olyanich A. V. Karnaval'nye zhanry neytralizatsii angloyazychnykh predubezhdeniy // Vestn. Volgogr. gos. un-ta. Ser. 2, Yazykoznanie. 2010. № 1. S. 94—101.
1. Balli Sh. Frantsuzskaya stilistika. — M. : Editorial URSS, 2001. 392 s.
2. Baranov A. N. Deskriptornaya teoriya metafory. — M. : Yazyki slavyanskoy kul'tury, 2014. 632 s.
3. Bol'shoy tolkovyy slovar' russkogo yazyka / gl. red. S. A. Kuznetsov. URL: <http://www.gramota.ru/slovari/info/bts/> (data obrashcheniya: 01.11.2016).
4. Velichko V. L. Russkie rechi. — M. : Institut russkoy tsivilizatsii, 2010. 400 s.
5. Vesnina L. E. Metaforicheskoe modelirovanie migratsii v rossiyskikh pechatnykh SMI // Politicheskaya lingvistika. 2010. № 1 (31). S. 84—89.
6. Vodak R. Kriticheskaya lingvistika i kriticheskii analiz diskursa // Politicheskaya lingvistika. 2011. № 4. S. 286—291.
7. Zaripov R. I. Kognitivnye aspekty metaforicheskogo modelirovaniya v politicheskom diskurse (na materiale frantsuzskikh politicheskikh metafor obraza Rossii) : dis. ... kand. filol. nauk. — M., 2015. 262 s.
8. Issers O. S. Kommunikativnye strategii i taktiki russkoy rechi. — M. : Izd-vo LKI, 2008. 288 s.
9. Kalygina M. Yu. Metaforicheskaya reprezentatsiya migratsii v mediadiskurse Rossii, Velikobritanii i SShA // Politicheskaya lingvistika. 2009. № 29. S. 109—113.
10. Kobozeva I. M. Leksiko-semanticheskie zametki o metafore v politicheskom diskurse // Politicheskaya lingvistika. 2010. № 2. S. 41—46.
11. Li V. S. Diskursivnaya praktika agressii kak istochnik kommunikativnykh konfliktov (na materiale lingvisticheskoy ekspertizy teksta) // Yazyk i sotsial'naya dinamika. 2012. № 12-1. S. 106—111.
12. Mikhaleva O. L. Politicheskii diskurs kak sfera realizatsii manipulyativnogo vozdeystviya : avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. — Kemerovo, 2004. 22 s.
13. Svirkovskaya S. V. Ksenofobicheskii diskurs (lingvopragmaticheskiy aspekt) : avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. — Krasnodar, 2005. 25 s.
14. Khazagerov G. G. Ritoricheskii slovar'. — M. : Flinta : Nauka, 2009. 432 s.
15. Chernaya sotnya : istoricheskaya entsikl. / sost. A. D. Stepanov, A. A. Ivanov. — M. : Institut russkoy tsivilizatsii, 2008. 640 s.
16. Chernyavskaya V. E. Diskurs vlasti i vlast' diskursa. Problemy rechevogo vozdeystviya. — M. : Flinta : Nauka, 2006. 132 s.
17. Chernyavskaya V. E., Loginova I. Yu. Programma politicheskoy partii kak persuazivnyy tekst // Izv. Ros. gos. ped. un-ta im. A. I. Gertsena. 2005. T. 5, № 11. S. 64—75.
18. Chudinov A. P. Metaforicheskaya mozaika v sovremennoy politicheskoy kommunikatsii / Ural. gos. ped. un-t. — Ekaterinburg, 2003. 248 s. URL: <http://www.philology.ru/linguistics2/chudinov-03a.htm> (data obrashcheniya: 01.11.2016).
19. Chudinov A. P. Politicheskaya lingvistika. — M. : Flinta : Nauka, 2006. 256 s.
20. Jaworska S. Anti-Slavic imagery in German radical nationalist discourse at the turn of the twentieth century: a prelude to Nazi ideology? // Patterns of Prejudice. 2011. Vol. 45. № 5. URL: http://www.residenztheater.de/sites/default/files/Anti-Slavic_imagery_Patterns_of_Prejudice_Vol_45_Jaworska.pdf (date of access: 01.11.2016).
21. Musolff A. What can Critical Metaphor Analysis Add to the Understanding of Racist Ideology? Recent Studies of Hitler's Anti-Semitic Metaphors // Critical Approaches to Discourse Analysis across Disciplines. 2008. Vol. 2. URL: http://cadaad.net/files/journal/CADAAD2-2-Musolff-2008-Critical_Metaphor_Analysis.pdf (date of access: 01.11.2016).
22. Santa Ana O. "Like an animal I was treated": anti-immigrant metaphor in US public discourse // Discourse & Society. 1999. 10. URL: <http://das.sagepub.com/content/10/2/191> (date of access: 01.11.2016).
23. Santa Ana O. Empirical Analysis of Anti-Immigrant Metaphor in Political Discourse // University of Pennsylvania Working Papers in Linguistics. 1997. Vol. 4. Iss. 1. URL: <http://repository.upenn.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=1617&context=pwpl> (date of access: 01.11.2016).

Статью рекомендует к публикации д-р филол. наук, доц. М. Г. Милютин.